

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ
ПУСТОТА ДУШИ

Сергей Патрушев

Бесконечная пустота Души

<https://litres.ru/74377418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём легендарный мечник, чьё имя шёпотом произносят в тавернах. Его клинок не знает промаха, а глаза мертвы. Он идеальная машина для убийств, живущая в пустоте, где нет ни боли, ни радости, ни страха. Деньги и слава ему не нужны: он раздаёт золото нищим и возвращается в свою пустую комнату, чтобы снова и снова брать заказы, не чувствуя ничего.

Но всё меняется, когда в гильдию врывается Алина — молодая, дерзкая, полная жизни девушка, которая заявляет, что хочет стать его ученицей. Артём грубо отказывает, уверенный, что она сбежит через неделю. Однако её упрямство, искренность и невероятная жажда жизни пробивают брешь в его ледяной броне.

Она становится его искоркой, разгоняющей тьму. Вместе с эмоциями возвращаются боль, страх и уязвимость, но также сила, о которой он забыл. Когда враг из прошлого угрожает уничтожить всё, что стало ему дорогим, Артём должен сделать выбор: остаться бездушным оружием или стать человеком, способным любить и защищать.

Содержание

Глава 1. Клинок без отражения	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Патрушев

Бесконечная пустота Души

Глава 1. Клинок без отражения

Дождь лил третий день подряд, и казалось, что сам город устал от этой бесконечной влаги, пропитавшей каждый камень, каждую деревянную балку, каждую тряпку, вывешенную на просушку и забытую под потоками воды. Это был не просто дождь — это было какое-то извечное проклятие, нависшее над этими местами, словно само небо решило излить на землю всю свою скорбь, накопленную за столетия. Вода проникала повсюду: она затекала в щели между камнями, пробиралась под двери, стекала по стенам, оставляя на них тёмные потёки, похожие на слёзы. Мостовая превратилась в чёрное зеркало, разбитое на тысячи осколков, и в этом зеркале не было ни неба, ни фонарей, ни человеческих лиц — лишь бесконечное месиво грязи, смешанное с отблесками редких окон, за которыми теплилась жизнь.

В такую погоду даже крысы предпочитали прятаться в подвалах, забиваясь в щели между камнями и пережидая ненастье в сонном оцепенении. Они, мудрые в своей древ-

ней животной осторожности, понимали то, что люди часто забывают: иногда лучше переждать, чем бороться. Городские стражники не высовывали носа из караулок, предпочитая греться у жаровен и травить бесконечные байки о былых сражениях, в которых они, разумеется, всегда выходили победителями.

Их рассказы становились всё более невероятными с каждой кружкой эля, а дождь всё стучал по крышам, словно пытаясь пробить брешь в их самодовольстве. Торговцы закрывали лавки раньше обычного, проклиная небеса, отнявшие у них дневную выручку, а уличные псы, мокрые и жалкие, жались к стенам домов, ища хоть какое-то укрытие от непрекращающегося потока. Псы эти давно уже перестали лаять — они лишь смотрели на прохожих глазами, полными тупой покорности судьбе, и вздрагивали каждый раз, когда вода с крыши падала им на головы.

Только те, кому нечего терять, шагали сейчас по улицам. И среди них был человек, чьё имя давно уже перестало быть просто именем. Оно стало чем-то большим — символом, легендой, проклятием, которое произносили шёпотом в тёмных углах таверн, где собирались те, кто жил за счёт чужой смерти. Наёмники, убийцы, должники, беглецы — все они знали это имя, хотя мало кто мог похвастаться тем, что видел его носителя в лицо. А те, кто видел, предпочитали об

этом не распространяться. Потому что встреча с ним означала одно из двух: либо ты был его заказчиком, либо ты был его целью. И во втором случае рассказать о встрече уже не представлялось возможным.

Его звали Артём. Когда-то, в другой жизни, у него была фамилия, дом, быть может, даже семья. Теперь осталось лишь это короткое имя, произносимое шёпотом, с оглядкой, как будто само упоминание могло призвать его из тени. Словно имя это было заклинанием, способным разбудить древнее зло, дремавшее в недрах мира. Легенда, обросшая вымыслом, словно днище корабля ракушками. Говорили, что он может рассечь каплю дождя пополам, не разбив её. Говорили, что его клинок не отражает света, потому что свет боится его. Говорили, что тот, кто видит его глаза перед смертью, не чувствует ни боли, ни страха — лишь бесконечную пустоту, которая затягивает, как омут. Говорили, что он не человек вовсе, а дух, посланный в мир живых, чтобы вершить суд, не ведая ни жалости, ни пощады. Говорили многое, и в каждой легенде была доля правды, но ни одна из них не могла вместить всей истины. Истина была проще и одновременно страшнее любого вымысла.

Всё это было правдой.

Сейчас Артём возвращался в гильдию. Плащ его промок

насквозь, тяжёлая ткань липла к телу, сковывая движения, но он не замечал этого. Его тело существовало отдельно от сознания, выполняя механические функции — шаг, ещё шаг, поворот, — но сам он был где-то далеко, в той самой пустоте, которая стала его единственным домом. Ноги сами несли его по знакомому маршруту — мимо закрытых лавок с наглухо заколоченными ставнями, через узкий проход между домами, где вода стекала по стенам сплошным потоком, образуя под ногами глубокие лужи, вдоль сточной канавы, где бурный поток уносил с собой мусор, обломки дерева и чьи-то сломанные судьбы. Город жил своей жизнью, и жизнь эта была мрачной, пропитанной сыростью и безысходностью, как и всё в этом мире, где солнце появлялось так редко, что дети забывали его цвет.

За спиной, в ножнах, покоился меч — оружие, стоившее больше, чем весь этот квартал вместе взятый, со всеми его домами, лавками, подвалами и людьми, в них обитающими. Но ценность его определялась не золотом, потраченным на ковку, и не мастерством кузнеца, который, как говорили, продал душу демону за секрет стали, не знающей износа. Этот клинок перестал быть просто оружием в тот день, когда Артём впервые применил свой стиль. В тот день меч стал продолжением пустоты, её материальным воплощением, её голосом, её волей. И с тех пор он не мог существовать отдельно от своего хозяина, как тень не может существовать

отдельно от тела.

«Стиль Пустоты» — название, которое он не сам придумал, но принял с молчаливым безразличием, как принимают данность, не требующую ни подтверждения, ни опровержения. Это было не просто искусство фехтования, не набор приёмов и не техника дыхания. Это был способ существования в бою, состояние, в которое он входил, как входят в ледяную воду — резко, без раздумий, зная, что назад пути нет, что холод обожжёт, но потом станет частью тебя, проникнет в каждую клетку, в каждую мысль, в каждое движение. Его разум отключался от тела, а тело отключалось от мира. Исчезали звуки, запахи, цвета.

Оставалось только чистое, идеальное движение — не быстрее мысли, потому что мысли тоже исчезали, растворялись в пустоте, как соль в воде. Это была пустота, заполнявшая всё, и в этой пустоте не было места ни сомнению, ни страху, ни жалости. Ничему человеческому. Только холодная, безжалостная ясность, в которой каждое действие было единственно верным, каждая траектория — безупречной, каждый удар — неизбежным.

Именно поэтому он был неуязвим. Не потому, что его нельзя было ранить, — ранить его было можно, если успеть, если оказаться быстрее, хитрее, сильнее. Но успеть было

нельзя. Пустота реагировала быстрее, чем любой противник мог нанести удар. Она не анализировала, не предугадывала, не просчитывала варианты — она просто знала.

Знала, куда направится клинок врага, куда сместится его вес, когда он запнётся о собственный страх, когда дрогнет его рука, когда глаза выдадут его намерение за долю секунды до того, как мышцы начнут движение. Пустота была совершеннее любого мастерства, потому что в ней не было человеческой слабости, нерешительности, гордыни, самоуверенности. Не было ничего, что могло бы помешать клинку достичь цели. Это было не искусство боя — это была его высшая, абсолютная форма, доведённая до такого предела, за которым начиналось уже нечто иное, не поддающееся человеческому пониманию.

Артём вошёл в здание гильдии, и тёплый воздух, пропитанный запахом вина, пота, дешёвого масла для ламп и ещё чего-то неуловимого, что всегда присутствует в местах, где собираются люди, живущие на грани, ударил в лицо. Запах этот был отвратителен и одновременно привычен — так пахнет место, где человеческие надежды и отчаяние сплетаются в единый горький аромат, вьёвшийся в деревянные балки и каменные стены.

Шум голосов, звон кружек, скрип половиц, обрывки пе-

сен, доносящиеся из дальнего угла, — всё это существовало где-то на периферии его восприятия, как гул далёкой толпы, как шум прибоя, слышимый сквозь толщу воды. Он прошёл через общий зал, и разговоры понемногу стихали, как будто само его присутствие высасывало звук из воздуха. Люди — наёмники, искатели приключений, должники, беглецы, отчаявшиеся и потерянные — провожали его взглядами. Кто-то с уважением, кто-то с завистью, кто-то с плохо скрываемым страхом, который заставлял их отводить глаза и делать вид, что они заняты своими делами. Он не смотрел на них. Мир для него был бесцветным пятном, в котором лица не имели значения, а голоса сливались в единый неразличимый шум.

У стойки выдачи заказов он остановился. Немолодой клерк с лицом человека, который слишком много повидал, чтобы чему-то удивляться, поднял на него глаза. Этот клерк работал в гильдии уже больше двадцати лет, и за это время он видел столько смертей, что мог бы написать книгу, если бы умел писать. Но он не умел, да и не хотел.

Его работа заключалась в другом — принимать заказы, выдавать награды, фиксировать выполнение. И он делал это с механической точностью, не вкладывая в процесс ни капли души. Его лицо, изрезанное морщинами, напоминало старую карту, на которой время стёрло все названия, оставив лишь линии дорог, ведущих в никуда.

— Артём, — произнёс он, и в голосе его не было ни подострастия, ни фамильярности. Только ровная, деловая интонация человека, который говорит с тем, кого знает давно, но не считает нужным изображать дружелюбие. — Выполнено?

Артём положил на стойку небольшой матерчатый мешочек. Внутри было то, что требовалось в качестве доказательства, — печатка главаря банды, простой стальной перстень с выгравированным волчьим черепом. Такие перстни носили члены одной из многочисленных шаяк, орудовавших на южных дорогах, но именно этот, с двумя рубинами вместо глаз черепа, принадлежал их предводителю — человеку, которого разыскивали уже несколько лет, но не могли поймать. До сегодняшнего дня.

Клерк не стал развязывать мешочек, лишь взвесил его на ладони, оценивая вес, и по едва заметному движению его бровей Артём понял, что доказательство принято. В этом жесте не было ничего лишнего — лишь сухая профессиональная оценка человека, который знает, как выглядит выполненная работа.

— Все? — уточнил клерк, хотя уже знал ответ.

— Все, — ответил Артём. Его голос прозвучал глухо, как будто доносился из-под воды, из-под толщи, отделявшей его от остального мира. В этом голосе не было ни усталости, ни удовлетворения, ни гордости. Только констатация факта. Словно он говорил не о живых людях, которых лишил жизни, а о каком-то досадном препятствии, которое наконец-то было устранено.

Клерк кивнул, достал из-под стойки тяжёлый кошель и подвинул его в сторону Артёма. Монеты внутри глухо звякнули, и этот звук привлёк внимание нескольких человек, сидевших неподалёку. Они бросили быстрые взгляды на кошель, на Артёма, и тут же отвернулись, понимая, что связываться с этим человеком — всё равно что совать руку в пасть спящему дракону. Даже если дракон не смотрит на тебя, это не значит, что он не видит. Даже если дракон спит, это не значит, что он не проснётся в тот самый момент, когда ты решишь, что можешь безнаказанно залезть в его сокровищницу.

— Сто золотых, как договаривались, — сказал клерк. — Плюс премия за скорость. Пятьдесят сверху.

Артём взял кошель, не глядя. Пальцы его сомкнулись на кожаной поверхности, ощущая прохладную тяжесть монет, но не испытывая при этом ничего — ни радости от получен-

ной награды, ни раздражения от того, что деньги снова придётся куда-то девать. Сто пятьдесят золотых. Для кого-то это было целое состояние.

Для него — просто вес, который нужно было нести с собой. Как камень, подобранный на дороге. Как обломок дерева, принесённый течением. Он повернулся и направился к выходу, не сказав больше ни слова, не попрощавшись, не кивнув. Его фигура в мокром плаще двигалась сквозь толпу, и люди расступались перед ним, как вода перед носом корабля.

В дверях ему пришлось посторониться. В гильдию ввалилась шумная компания молодых наёмников, явно праздновавших свой первый удачный контракт. Их было четверо — трое парней и одна девушка, совсем юная, с короткими светлыми волосами и смелыми глазами.

Они громко смеялись, хлопали друг друга по плечам, от них пахло пивом, победой и той особенной бесшабашностью, которая бывает только у тех, кто впервые вернулся с края смерти и понял, что остался жив. Один из них, самый молодой, с веснушчатым лицом и горящими глазами, в которых ещё не угас азарт недавнего боя, случайно задел Артёма плечом.

— О, прости, друг! — воскликнул он, обращиваясь, и на лице его была широкая, искренняя улыбка, какая бывает у людей, не привыкших держать зла.

Его взгляд упал на кошель в руке Артёма, потом поднялся выше — к лицу. И парень осёкся. Улыбка сползла с его губ, как сползает снег с крыши под первыми лучами весеннего солнца, а в глазах промелькнуло что-то, похожее на узнавание. Или, может быть, на инстинктивный животный страх, который возникает, когда видишь перед собой существо, стоящее за гранью человеческого.

Его друзья, не поняв, что произошло, продолжали смеяться и двигаться к стойке, но он застыл на месте, глядя вслед уходящему Артёму, и в его глазах медленно проступало осознание того, с кем он только что столкнулся. Это было осознание человека, который вдруг понял, что только что прикоснулся к чему-то неизмеримо большему и страшному, чем он сам.

Артём не остановился. Он вышел под дождь, и дверь гильдии закрылась за ним, отрезая тепло, шум и человеческие голоса. Холодная вода снова обрушилась на него, стекая по волосам, затекая за воротник, но он не чувствовал ни холода, ни сырости. Его тело существовало отдельно от его сознания, выполняя механические функции — шаг, ещё шаг,

поворот, — но сам он был где-то далеко, в той самой пустоте, которая стала его единственным домом.

Улица встретила его серостью и тишиной. Дождь к этому времени немного стих, превратившись из сплошной стены в мелкую морось, висящую в воздухе водяной пылью. Фонари, редкие и тусклые, разбрасывали вокруг себя мутные ореолы света, в которых клубился туман. Город казался призрачным, нереальным, как будто существовал только в чьём-то сне. Артём шёл не спеша, не пытаясь укрыться от потоков воды, низвергавшихся с крыш.

Мир вокруг существовал — мокрые стены домов, тёмные окна, раскисшая земля под ногами, — но всё это было лишено какого-либо смысла. Как декорация, написанная грубыми мазками на холсте, выцветшем от времени.

Сто пятьдесят золотых. Сумма, ради которой многие в этом городе готовы были предать, убить, продать собственную душу. Сумма, которая могла обеспечить несколько лет безбедной жизни, купить хороший дом с камином и конюшней, лучших лошадей, дорогую одежду, власть, удовольствия, уважение. Сумма, из-за которой братья убивали братьев, а дети отрекались от родителей. Для Артёма это был просто предмет, имеющий вес и объём, который нужно было куда-то деть. Как камень, подобранный на дороге.

Как обломок дерева, принесённый течением. Он не думал о том, что с этими деньгами можно сделать. Он вообще не думал о деньгах. Они для него не существовали как ценность, как возможность, как средство. Только как тяжесть в руке, от которой нужно было избавиться.

Он свернул в переулок, где грязь была особенно глубокой, а запах нечистот становился почти невыносимым. Здесь, вдали от главных улиц, город показывал своё истинное лицо — лицо нищеты, болезней и отчаяния. Дома здесь стояли вплотную друг к другу, нависая над узким проходом, как будто собирались рухнуть в любой момент. Из подвалов тянуло сыростью и плесенью. Где-то плакал ребёнок, и плач этот был тихим, безнадежным, как будто он уже знал, что никто не придёт его утешить. Этот плач был частью города, таким же естественным, как дождь, как грязь, как крысы, копошащиеся в темноте.

Под выступом крыши, прижавшись к стене, сидели несколько фигур. Оборванные, грязные, дрожащие от холода, они сливались с темнотой, как будто были её частью. Здесь была старуха с морщинистым лицом, напоминающим карту неведомой страны, испещрённую реками морщин и горами выступающих скул.

Её глаза, глубоко запавшие в орбиты, смотрели в одну точку, и в них не было ни надежды, ни отчаяния — только бесконечная, всепоглощающая усталость. Рядом с ней, прижавшись к её боку, сидел мальчик лет семи, с лицом, измазанным сажей, и глазами, слишком взрослыми для его возраста. Он не плакал, не просил, не двигался — просто сидел, глядя на поток воды, бегущий по канаве, как будто в этом бесконечном движении был какой-то смысл, доступный только ему. Третьим был одноногий калека, чья пустая штанина была подоткнута под культю, а на груди висел деревянный знак, на котором выцветшими буквами было написано: «Подайте ради богов». Его руки, покрытые шрамами и язвами, лежали на коленях, и пальцы слегка подрагивали — то ли от холода, то ли от болезни, то ли от того и другого вместе.

Они подняли головы, когда Артём остановился перед ними. В их глазах не было ни мольбы, ни надежды. Только тупая, бесконечная усталость, знакомая тем, кто слишком долго живёт на грани, кто каждый день видит смерть и привык к её присутствию, как к соседу, который никогда не уходит. Они видели перед собой человека с оружием, человека, от которого зависела их судьба, но не просили ничего. Возможно, потому что знали: просить бесполезно. Возможно, потому что уже утратили способность верить в чью-то милость. Возможно, потому что слова требовали сил, а сил у них не осталось.

Артём развязал кошель. Не глядя, запустил руку внутрь и достал пригоршню монет. Золото тускло блеснуло в полумраке, ловя редкие отблески далёких фонарей. Он протянул руку и разжал пальцы.

Монеты посыпались в грязь, звякая и разлетаясь в стороны. Одна из них подкатилась к ноге мальчика и замерла, наполовину утонув в жиже. Ещё одна легла прямо на колени старухи. Калека недоверчиво смотрел на монеты, как будто ждал, что они исчезнут, растают, превратятся в камни или листья. В его глазах медленно проступало недоверие, за которым следовало что-то ещё — может быть, страх. Страх перед чудом, которое не может быть настоящим.

— Возьмите, — сказал Артём.

Его голос был тих и безжизнен. Ни жалости, ни сострадания, ни даже скуки. Просто слова, произнесённые потому, что нужно было что-то сказать, чтобы действие приобрело хоть какую-то форму, чтобы оно не осталось просто движением руки, разжавшей пальцы.

Старуха первой очнулась от оцепенения. Её костлявые пальцы, скрюченные артритом, вцепились в монету, лежащую на коленях. Она поднесла её к глазам, рассматривая,

не веря себе, и губы её шевелились, но слова не выходили наружу. Потом она прижала монету к груди и заплакала — беззвучно, одними глазами, как плачут те, кто уже разучился плакать по-настоящему.

— Благослови тебя боги, господин! — прошамкала она наконец. Слова её были такими же дрожащими, как и она сама, и в них слышалось не столько благодарность, сколько изумление перед неожиданной милостью.

Артём уже уходил. Он не слышал ни её благословений, ни возгласов мальчика, нашедшего ещё несколько монет, ни тяжёлого дыхания калеки, ползавшего в грязи в поисках золота. Он ничего не чувствовал. Ни удовлетворения от сделанного, ни раздражения от потери денег, ни тепла от чужой благодарности. Пустота внутри него была тихой и бездонной, как колодец, в который бросили камень, но так и не услышали всплеска. Сколько бы он ни отдавал, сколько бы ни делал, пустота не становилась меньше. Она была неизменной, постоянной, как закон, по которому вода течёт вниз, а огонь поднимается вверх.

Он продолжал идти, раздавая монеты. Нищим у городских ворот, где ветер был особенно холодным, а дождь хлестал по лицам с особой жестокостью. Бродячим музыкантам, спрятавшимся под аркой от дождя, — их инструменты ле-

жали рядом, завёрнутые в промасленную ткань, а сами они смотрели на мир с тем выражением, какое бывает у людей, привыкших к тому, что их искусство никому не нужно.

Побитой собаке, гревшейся у кучи мусора, — собаке он оставил не денег, а кусок вяленого мяса, который оказался у него в походной сумке. Пёс поднял голову, посмотрел на Артёма мутными, благодарными глазами и принялся есть, жадно, торопливо, как будто боялся, что еда исчезнет. И в этом взгляде собаки было больше жизни, чем во всех людях, которых он встретил за последние годы.

К тому моменту, когда кошель опустел, он прошёл уже половину города. Осталась только пустая кожаная мошна, которую он швырнул в реку, не глядя. Вода поглотила её с тихим, почти неслышным всплеском, и круги разошлись по тёмной поверхности, чтобы вскоре исчезнуть, как исчезает всё в этом мире.

Артём не нуждался в деньгах. Он не нуждался в славе. Не нуждался в вине, женщинах, тёплом доме и мягкой постели. Всё это было для него как еда без вкуса, как картина без красок, как песня без звука. Мир стал плоским, лишённым глубины и запаха. Он помнил, что когда-то всё было иначе. Помнил, как радовался первому заработанному золоту, как болела первая рана, как горели мышцы после долгого боя.

Помнил вкус холодной колодезной воды в жаркий полдень и запах хлеба, испечённого матерью. Помнил, как смеялся, когда что-то казалось ему смешным, как плакал, когда что-то причиняло боль. Помнил, что когда-то был живым.

Но это было давно. До того, как он стал тем, кем стал. До того, как пустота вошла в него и поселилась там, вытеснив всё остальное. До того, как он понял, что единственный способ выжить — это перестать чувствовать. Полностью. Абсолютно. Навсегда.

Дождь начал стихать. Низкие тучи расползались, открывая островки бледного неба, на котором робко проступали первые звёзды. Артём шёл по краю города, мимо заброшенных складов и полуразрушенных хижин. Здесь пахло гнилью, запустением и чем-то ещё — тем особым запахом, который появляется в местах, где давно не ступала нога человека. Трава пробивалась между камнями, и в темноте её силуэты казались чьими-то призрачными пальцами, тянущимися к небу. Он шёл домой — если можно было назвать домом пустую комнату на окраине, где из мебели были лишь циновка, очаг и ножны для запасного клинка.

Внезапно он остановился.

Не потому, что услышал какой-то звук. Не потому, что

увидел что-то подозрительное. Просто что-то изменилось. Воздух стал плотнее, как будто наполнился невидимым напряжением. Так бывает перед грозой, когда всё живое замирает в ожидании первого удара молнии, когда птицы перестают петь, а листья на деревьях замирают, как будто прислушиваются к чему-то, недоступному человеческому уху. Это было почти неуловимое изменение, которое заметил бы далеко не каждый, но Артём заметил. Пустота внутри него отреагировала мгновенно, сжавшись в тугой комок, готовый в любой момент распрямиться.

Артём стоял неподвижно, опустив руки. Его пальцы слегка согнулись, расслабленно, как у человека, готового в любой момент сжать рукоять меча. Но меча он не касался. Пока не касался. Он ждал, и ожидание это было таким же пустым, как и всё остальное в его жизни. Ни страха, ни предвкушения, ни любопытства. Только холодная, ясная готовность, в которой не было места ничему лишнему.

Из тени заброшенного склада, расположенного метрах в десяти слева, донесся едва уловимый шорох. Потом ещё один, справа, из-за груды полусгнивших досок. И третий — сзади, оттуда, где дорога спускалась к реке. Звуки были тихими, осторожными, но в них не было той мягкости, которая отличает движение опытного убийцы. Эти люди старались быть незаметными, но их старания выдавали их. Артём

слышал их дыхание, прерывистое и учащённое, слышал, как бьются их сердца, как скрипит кожа перевязей под одеждой, как пальцы сжимают рукояти оружия, влажные от пота и дождя.

Он был окружён.

Их было пятеро. Он понял это по дыханию, по ритму сердец, по едва различимому скрипу кожаных перевязей. Пять человек, расположившихся полуколыцом, перекрывавших все пути к отступлению. Они действовали осторожно, но не слишком умело.

Обычные бандиты. Или, возможно, оставшиеся в живых родственники тех, кого он вырезал прошлой ночью, пришедшие мстить за кровь. Или просто случайные люди, решившие, что человек, раздающий золото направо и налево, может стать лёгкой добычей. Артём не знал, кто они, и это не имело значения. Люди, стоящие сейчас в темноте, уже были мертвы. Просто их тела ещё не знали об этом.

Он почувствовал, как внутри него начинает раскрываться та самая пустота. Медленно, но неотвратно, как цветок, распускающийся навстречу ночи. Мир начал терять очертания, звуки становились глуше, цвета — бледнее. Всё сливалось в единый серый поток, лишённый деталей и значе-

ния. Оставались только движения — возможные, вероятные, неизбежные. Каждое из них было как нить в огромной паутине, и Артём видел их все одновременно, без усилия, без напряжения. Он мог выбрать любую, но выбора на самом деле не было. Был только один путь — тот, который вел к завершению.

— Слышь, герой, — раздался хриплый голос из-за досок.
— Поговорить надо.

Артём не ответил.

— Не глухой, я же вижу, — продолжал бандит, выходя на открытое место. Это был коренастый мужчина с широким, плоским лицом, какие бывают у людей, привыкших к дракам. Его нос был сломан и сросся неправильно, придавая лицу выражение постоянной злобы. В руке он держал короткий меч, покрытый ржавчиной, но всё ещё острый. — Ты сегодня богат был, а стал беден. Нехорошо это.

Ещё двое появились слева, от склада. Один с топором, другой с длинным кинжалом, похожим на стилет. Они двигались осторожно, но в их позах не было страха. Только жадность — та особенная жадность, которая заставляет людей забывать об осторожности, которая застилает глаза пеленой и толкает на глупости. Они видели перед собой человека,

раздававшего золото, и думали, что он слаб. Они думали, что щедрость — это признак мягкости, что отсутствие страха — это глупость, что спокойствие — это усталость. Они ошибались, и цена этой ошибки уже была назначена.

— Мы люди простые, — произнёс тот, что с топором. — Нам твоя жизнь не нужна. Отдай меч. Он, говорят, дорогой. И, может, ещё что в карманах завалилось.

Артём стоял всё так же неподвижно. Его глаза, тёмные и пустые, смотрели сквозь говорившего, как будто того не существовало. В этом взгляде не было ни гнева, ни презрения, ни удивления. В нём вообще ничего не было. Ничего, что можно было бы прочесть, понять, использовать. Это взгляд испугал бандитов больше, чем любая угроза, больше, чем любое слово, больше, чем любое движение. Они привыкли к тому, что их боятся, или ненавидят, или презирают. Они не привыкли к тому, что на них смотрят так, как смотрят на пустое место.

— Ты чего молчишь? — нервно спросил тот, что с кинжалом. — Оглох, что ли?

Он был молод, этот парень с кинжалом. Лет девятнадцать, не больше. На щеке у него был свежий порез, заклеенный какой-то грязной тряпкой, и из-под неё сочилась сукровица.

Дрожь в его голосе выдавала то, что он пытался скрыть за наглостью. Страх. Обычный человеческий страх перед неизвестностью, перед тем, что не укладывается в привычную картину мира. Он был здесь не потому, что хотел убивать. Он был здесь потому, что боялся отказать старшим, боялся показаться трусом, боялся остаться в стороне. И теперь этот страх смешивался с другим, более древним, более глубоким — страхом перед существом, которое смотрит на него и не видит.

Артём чувствовал, как пустота охватывает его сознание. Медленно, но неотвратно. Он знал, что произойдёт дальше. Знал каждый шаг, каждый удар, каждый вздох. Это было так же неизбежно, как смена дня и ночи, как приливы и отливы, как движение звёзд по небесной сфере. Он мог бы остановиться. Мог бы попытаться уйти. Мог бы отдать им меч и кошель, который уже был пуст. Но он не сделал этого. Не потому, что хотел их убить. Не потому, что считал это правильным или справедливым. Просто пустота уже начала действовать, и остановить её было невозможно.

— Ладно, — сказал главарь, делая шаг вперёд. — Раз ты не понимаешь по-хорошему...

Он не договорил.

Артём не выхватывал меч. Не делал резких движений. Не принимал боевую стойку. Его рука просто оказалась на рукояти, и клинок, покинув ножны, описал в воздухе короткую, идеально выверенную дугу. Это было не быстро и не медленно. Это было ровно столько, сколько нужно, чтобы лезвие прошло сквозь шею главаря, не встретив сопротивления. Сталь рассекла кожу, мышцы, артерии — всё то, что составляло человеческое тело, — с той же лёгкостью, с какой нож рассекает масло. Голова главаря запрокинулась назад, удерживаемая лишь лоскутом кожи, и из раны ударил фонтан крови, смешиваясь с дождевой водой.

Тело бандита ещё падало, а Артём уже сместился влево. Движение его было текучим, лишённым лишних усилий, как будто он не перемещался в пространстве, а просто оказывался там, где нужно. Топор пролетел мимо его головы, рассекая воздух с глухим свистом, и в этом свисте слышалось всё отчаяние человека, понявшего, что его удар не достиг цели. Второе движение — и топор вместе с кистью его владельца упал в грязь. Бандит закричал, но крик его оборвался, не успев начаться, потому что клинок Артёма уже вошёл ему в горло, прервав и крик, и дыхание, и жизнь.

Третий — тот, что с кинжалом, — замер, глядя на собственный живот, из которого торчала рукоять его же оружия. Артём не стал тратить на него свой клинок — просто пере-

хватил запястье парня и развернул стилет против него самого.

Движение было настолько быстрым и естественным, что парень даже не успел понять, что произошло. Он только почувствовал, как холодная сталь входит в его тело, разрывая внутренности, и как теплая кровь начинает заливать его собственные руки. Он открыл рот, чтобы закричать, но изо рта вырвался лишь сдавленный хрип, и он осел на землю, глядя в небо широко открытыми глазами, в которых застыло выражение бесконечного удивления.

Всё происходило в тишине. Ни криков, ни лязга стали, ни топота ног. Только дождь, шелестящий по листьям, да тяжёлое, прерывистое дыхание умирающих. Артём двигался сквозь этот мир, как тень, как призрак, как сама смерть, пришедшая забрать своих должников. Его клинок не отражал света, не ловил отблесков, не сверкал в темноте. Он был продолжением пустоты, её материальным воплощением, и в его стали не было ничего, что могло бы выдать его присутствие.

Оставшиеся двое — те, что прятались за спиной, — попытались бежать. Они поняли, что ошиблись, поняли, что выбрали не ту жертву, поняли, что их жизни висят на волоске. Но понимание пришло слишком поздно. Артём догнал

первого за три шага. Меч вошёл ему между лопаток и вышел из груди, рассекая сердце. Бандит упал лицом в грязь, и его тело ещё несколько секунд продолжало дёргаться, как будто отказываясь принять смерть. Второй, последний, обернулся, выставив перед собой короткое копьё, дрожащее в руках. Его лицо было белым, как простыня, а глаза — огромными, полными животного ужаса. Он был ещё жив, но уже мёртв. Просто его тело ещё не знало об этом.

— Не подходи! — закричал он, но голос сорвался на визг.
— Я... я тебя убью!

Артём шагнул вперёд. Копьё рванулось ему навстречу, но он уже был внутри выпада. Острие прошло в сантиметре от его щеки, обдав лицо лёгким дуновением воздуха, но не задев кожи. А клинок Артёма, войдя снизу вверх, пробил подбородок бандита и вышел через затылок. Последний нападавший упал на колени, потом на бок. Из раны на голове толчками выходила кровь, смешиваясь с дождевой водой, и в этой смеси отражались звёзды, начавшие проступать на проясняющемся небе.

Артём стоял среди тел, опустив меч. Клинок был чист — пустота не оставляла на нём крови. Дождь смывал красные пятна с булыжников, унося их в сточные канавы, в реку, в море, в бесконечный круговорот воды, которая не пом-

нит ничего. В воздухе висел запах железа и мокрой земли, и этот запах был единственным доказательством того, что здесь только что произошло.

Он не чувствовал ничего.

В бою он не почувствовал ни ярости, ни азарта, ни страха. Его движения были идеальны, как и всегда, когда он входил в состояние пустоты. Тело действовало само, разум молчал, сердце билось ровно, как метроном. Он убил пятерых человек за десять секунд. Это было не подвигом и не преступлением. Это было просто фактом. Как дождь. Как смерть. Как смена времён года. Ничего личного. Ничего эмоционального. Только пустота, заполнившая всё вокруг, и клинок, который был её продолжением.

Артём вытер меч о плащ и вложил в ножны. Клинок вошёл в них с тихим, почти музыкальным звоном, и этот звук был единственным, что нарушало тишину. Он стоял ещё несколько секунд, глядя на трупы, но не видя их. Его взгляд был обращён внутрь, в ту самую пустоту, которая была его единственным спутником, его единственным домом, его единственной судьбой. Потом он повернулся и пошёл прочь.

Он знал, что будет дальше. Сначала пройдёт несколько ча-

сов. Потом наступит ночь, и он ляжет на циновку, глядя в потолок. Сон придёт не сразу. А когда придёт, то будет пустым, как и всё остальное. Без сновидений. Без отдыха. Без облегчения. Он проснётся на рассвете, разожжёт огонь в очаге, съест кусок вчерашнего хлеба, запьёт его водой. Потом снова пойдёт в гильдию. Возьмёт новый заказ. Снова будет убивать. Снова раздаст деньги. И так будет продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не окажется достаточно хорош, чтобы убить его самого.

Но он также знал, что вряд ли это случится.

Потому что Артём был лучшим. Не потому, что хотел им быть. Не потому, что стремился к этому. А потому, что пустота, пожиравшая его изнутри, не оставляла соперникам ни единого шанса. Она была совершенна. И она была проклятием. Проклятием, которое он сам наложил на себя, когда впервые решил, что лучше не чувствовать ничего, чем чувствовать боль. Лучше быть пустым, чем живым. Лучше быть оружием, чем человеком.

Дождь закончился. Над городом поднималась луна — бледная, равнодушная, далёкая. Артём шёл по улице, и его тень, отбрасываемая тусклым светом, скользила по мокрым стенам, то удлиняясь, то исчезая. В какой-то момент он остановился у витрины закрытой лавки. Стекло было покрыто

каплями воды, и отражение в нём дробилось на сотни мелких осколков, как будто сам мир отказывался признавать его целостность.

Артём поднял глаза и посмотрел на себя. Лицо, обрамлённое мокрыми волосами, прилипшими к вискам. Узкие, безразличные глаза, в которых не отражался лунный свет. Губы, сжатые в тонкую линию, не знавшие улыбки уже много лет. Он смотрел на своё отражение, но не узнавал человека в стекле. Тот, кого он видел, был незнакомцем. Или, вернее, тем, кем Артём стал, — оболочкой, сохранившей форму, но утратившей содержимое. Кувшином, из которого вылили всю воду. Домом, из которого ушли все жильцы. Телом, в котором больше не было души.

Клинок за спиной молчал. Он никогда не отражал свет — не потому, что был особенным, а потому, что Артём не позволял ему этого. Пустота поглощала всё, даже блеск стали. Она была ненасытной, всепоглощающей, и ничто не могло ускользнуть от её власти. Даже луна, смотревшая с небес, казалась здесь чужой, лишней, как гостья, пришедшая без приглашения.

Он отвернулся от витрины и продолжил путь. Позади оставались пять тел, остывающих в ночи, и город, который никогда не узнает их имён. Впереди — пустая комната, ци-

новка, очаг. И бесконечная череда дней, похожих друг на друга, как капли дождя, упавшие в одну и ту же реку.

Артём шёл домой, и в его сердце не было ничего. Вообще ничего. Только тишина, которая была громче любого крика, глубже любого океана, старше самого времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.